

И.Е. ПОЛЯКОВ:

ТАКИЕ НАМ ВЫПАЛИ ГОДЫ

Имя бывшего Председателя Президиума Верховного Совета БССР, Героя Социалистического Труда И.Е. Полякова, которому в ноябре исполнится 80 лет, и теперь остается в республике одним из самых уважаемых и авторитетных. Предлагаем нашим читателям беседу с этим заслуженным человеком.

— Иван Евтеевич, давайте начнем разговор с вашей молодости, с самых, наверное, счастливых для любого человека лет жизни. Страна Советов, руководимая пролетарской партией, поднимала на новую жизнь простых людей от станка и плуга. Как начинался ваш трудовой путь?

— Родился я 25 ноября 1914 года в Ново-Белице. Теперь она составляет один из городских районов Гомеля, а тогда считалась самостоятельным городом, хотя была по сути обычным рабочим поселком. Семья наша была тоже чисто рабочей, отец — слесарь на фанерно-спичечном комбинате, мать — набивщица, яснее сказать, набивала спички в коробки. Потом отец ушел на фронт, на первую мировую, в Восточной Пруссии попал в плен, оттуда вернулся только в 1920 году. В семье — пятеро детей, поэтому жили, конечно, бедно. Но на Соже имели свою лодку, рыбачили. В паводок по реке плыло много всякого буреломы, вот мы вылавливали жерди, тонкомерный лес и из него построили хатку. Оштукатурили с обеих сторон, и получилось слякое-такое жилье.

Окончил семь классов — пошел в ФЗО железной дороги, она тогда называлась Западной. Училище давало хорошую подготовку десяткам по двум рабочим профессиям. И общеобразо-

вательные предметы читали в объеме школы-девятилетки. Учился два с половиной года. Я попал в группу сварщиков. Окончил хорошо, и меня оставили на Гомельском паровозоремонтном заводе.

Начал работать сразу по четвертому разряду. Через год получил уже шестой, а еще через полгода — и седьмой, самый высокий разряд. Нас только двое с такой квалификацией было. Во всем заводе — старый кадровый рабочий Нестерович и я, сынтай, мальчишка еще. Так что работу выполняли самую ответственную. Сначала стали варить паровозные топки, которые раньше приходилось клепать. Заменили медные листы стальными, сварили их и испытали под высоким давлением. Вроде неплохо получилось, ремонт паровозов ускорился и стал дешевле. Потом предложили еще одну новинку — обваривать жаровые и дымогарные трубы в котлах. До этого их просто завальцовывали в стенку котла, но это было недолговечно, походит паровоз какое-то время, смотришь, и трубы потекли, надо снова в ремонт. Вот мы и предложили свою рационализацию. Инженеры ее, правда, сразу отклонили, мол, ничего не получится. Но кое-как уговорили попробовать. Начальство согласилось только с усло-

вием варить эти трубы в... горячих котлах. Приходит паровоз из обкатки, жар из топки выгребают, кладут туда доски. Я лезу со сваркой в эту "баню", становлюсь на доски и начинаю обваривать трубы. Три трубы успеваешь обварить и вылетаешь оттуда, как из ада. Очуаешься, обсохнешь маленько — и снова в горячий котел. Труб-то много, на один паровоз насос-десять уходило.

В общем, мучение, а не работа. Стал думать, как бы ее облегчить. Уговорил старшего мастера, который посылал паровозы на обкатку, сварить один котел по холодному металлу. Тот, конечно, боялся — при жаркоме Лазаре Моисеевиче Кагановиче на железной дороге порядки были очень строгие, соответственно и начальник завода (а его должность так и называлась — "начальник") с главным инженером тоже этой строгости держались. Но решились мы с мастером на одном паровозе попробовать на свой страх и риск. Получилось и быстро, и хорошо. А потом только так и стали делать. Заводское руководство долгое время даже и не знало ничего про наше самовольство. А когда уже узнало, пришлось ему с нами согласиться, ведь паровозы-то после ремонта бегали исправно.

— И все же вы потом ушли с завода, причем со скандалом...

— Ушел. И действительно с большим скандалом. Начальник нашего цеха стал халтурить. Сварочных аппаратов на предприятиях не было, а нужда в таких работах — всюду. Вот он и

НА СНИМКЕ: Т. Я. КИСЕЛЕВ, П. М. МАШЕРОВ, И. Е. ПОЛЯКОВ.

халтурил. Отправляют паровоз на обкатку — он догваривается с машинистом, тот трузит сварочный аппарат в тендер, люк прикрывает и вывозит. Охранника — бойца войск НКВД, даже подозрения никакого не возникает. Потом где-то на переезде машинист, как заранее условились, снимет аппарат, а там его уже ждет. На телегу — и повезли на другое предприятие. А работу эту делать — мне. Почему мне — потому что только мы с Нестеровичем имели право варить котлы без котлонадзора. Сделал, составили акт, вписали номер моего удостоверения — и этот котел можно не испытывать, а сразу растапливать. Деньги, и немалые, без всяких документов получают мой начальник цеха со своим дружкой. Ну а меня в ресторан сводят, на завтра только голова болит.

Надоело мне это дело. А тут

С полным
текстом
документа
можно
ознакомиться в
библиотеке

(Окончание.
Начало на 1-й стр.)

— Ныче, когда республика готовится достойно отпраздновать 30-летие освобождения от немецко-фашистских захватчиков, особенно никак уж невозможно обойтись без вопроса о войне. Какой след она оставила в вашей жизни?

— Тяжелый, очень тяжелый. Сколько людей мы потеряли, сколько судеб она переломала! Но тем более величественным останется в памяти потомков этот героический подвиг народа, подвиг нашей республики-партизанки.

...Войну я встретил в Могилеве. До этого, а тридцать девятым, несколько месяцев снова был в армии, в должности заместителя полгтрука роты пришлось освобождать Западную Белоруссию. А вернулся — послали в Могилев. Там строился крупный авиамоторный завод. На эту стройку меня направили комсоргом ЦК комсомола. Мы уже запускали его, крутили станки, делали покосы, заготовки. А тут — война. За неделю пришлось снять все оборудование, загрузить полтора десятка эшелонов и вывезти в тыл. Под Куйбышевым развернули мощный авиамоторный завод, в который влились семь эвакуированных предприятий, в том числе и наше, а через дорогу — самолетостроительный. Потом был такой известный двухсерийный фильм — "Обское задание". Это — про наш орден Ленина 24-й Московский авиамоторный завод имени Фрунзе. На его строительстве мне пришлось работать в той же должности комсорга ЦК. Еще стен не было, а у нас в степи уже конвейеры работали, давали моторы сначала для МИГов, а потом — для ИЛов.

В ноябре сорок первого меня отозвали в Москву, где собирали белорусские кадры для организации борьбы в тылу противника и засылки на территорию своей республики. Меня готовились забросить на Гомельщину. Но с тамошними партизанскими группами вдруг прервалась связь. Пока выяснялась обстановка, работал в северо-западной опергруппе. Налаживали связь с партизанами Витебщины, обеспечивали их оружием, боеприпасами, взрывчаткой. Самому не раз пришлось бывать за линией фронта, особенно когда образовались знаменитые "Суражские ворота". С месяц находились в партизанской зоне, выйдешь, чуть отдохнешь — и снова к партизанам. Подбирал на местах ребят для школ радистов, подрывников, разведчиков и направлял их на "Большую землю", где их учили, вывозил оттуда важные документы. Был у "бабки Миняя", Дзянкова, других комбиров, встречался лично с командующим фронтом Коневым и Громовым, который командовал у него авиацией.

Нашлись, наконец, в брянских лесах наши гомельские отряды, вытесненные из своей зоны регулярной немецкой дивизией и влившиеся в партизанское соединение Федорова. Мне поставили задачу вывести их назад в Беларусь и самолетом отправили в брянские леса в качестве уполномоченного ЦК Компартии республики.

В феврале сорок третьего в брянских лесах началась жестокая блокада и Клетнянская зоны. Нас, партизан, было там тысяча пятьдесят, а немцев, вместе с полициями, карательными отрядами и батальонами "Припять", "Днепр", "Бережина" владоской РОА, тысяча восемьдесят. Собрали мы четыреста автоматчиков только в штурмовую группу прорыва и стали выходить. Но немцы сильнейшим ударом "накрыли" колонну прямо посередине. Я шел в "хвосте" с Черским и Кормянским отрядами. Обтились кое-как, вышли из блокады, и ушел я их домой на Гомельщину. Там из них создали Первую Гомельскую партизанскую бригаду, в которой до соединения с Красной Армией я и был комиссаром и секретарем подпольного обкома комсомола по военной работе. Бригада насчитывала 1.800 бойцов. Хорошие, боевые были ребята, пустили под откос более ста эшелонов, провели немало других диверсий на железных и шоссе-ных дорогах.

Там же, за Сожем, возле Черчерска, 3 октября 1943 года соединились с наступавшей Красной Армией. В Ново-Белице, куда вскоре переехал ЦК КП (б)Б, встретились вскоре и с К.Т. Мазуровым, который в годы оккупации был секретарем ЦК комсомола Беларуси, членом бюро Минского подпольного обкома партии и базировался на знаменитом острове Зыслон на Любанщине.

— На фронт вас потом уже, видимо, не отпустили?

— Пришлось налаживать жизнь в освобожденных районах, выводить людей из зон, отстраивать города, восстанавливать колхозы. Работал сначала вторым, потом — первым секретарем Гомельского обкома комсомола. А как освободили Минск, перевели туда первым секретарем обкома комсомола.

После войны окончил в Москве высшую партшколу. Послали на партийную работу. Был секретарем Витебского горкома. Оттуда направили в Речицкий райком поднимать сельское хозяйство. Потом избрали председателем Гомельского облисполкома, а через несколько лет — первым секретарем обкома партии в Гомеле. Ну и чтобы уже закончить с биографическими подробностями, скажу, что в 1964 году стал первым председателем Президиума Верховного Совета БССР и проработал на этой должности до ухода на пенсию в 1985 году.

— У вас, Иван Евтевич, такая жизнь за плечами — целые эпохи! Как с высоты прожитого вы можете оценить эти годы?

— Тяжелое было время, а работа — очень напряженной. Может, потому, что все мы чувствовали свою ответственность перед людьми и стремились быстрее сделать для них как можно больше хорошего. Работали буквально на пределе сил. Знаете, доверительно скажу вам, в последние годы работы в обкоме партии звонил телефон, а вздрогнешь. Хотя я никогда ни

кого не боялся и не боюсь. Просто нервы уже были на пределе от постоянной перегрузки. Сумасшедшая работа, не видишь ни дня, ни ночи. В Гомеле семь лет отработал первым секретарем обкома — ни разу никогда на курорт не выбрался. Чего греха таить, путевку мог получить всегда. Но не находилось времени. Казалось, что-то еще не доделал, вечно захлестывали какие-то важные, срочные дела.

Скажу прямо, каждый период имел свои трудности. Когда восстанавливали хозяйство после войны — были одни проблемы, когда уже подыняли, наладили — появились другие. Требовалось уже качественное улучшение экономики, особенно в сельском хозяйстве. И результаты в конце концов появились, в магазинах уже все было, причем по доступным ценам. Шутка ли, республика достигла уровня производства в 117 килограммов мяса и 700 с лишним килограммов молока на душу населения, продавали государству 6,5 миллиона тонн молока и 1,5 миллиона тонн скота. Это уже хороший европейский уровень при гораздо худшей оснащенности сельского хозяйства. И тем не менее забот и проблем все равно хватало.

— Как вы считаете, что вам за свою жизнь лучше всего удалось сделать? И о чем особенно жалеете, что — не получилось?

— Получилось — прилично поднять сельское хозяйство. Когда я работал в Гомельской области, мы соревновались с

сам принимал на месте, чтобы не было никакого обмана. Зато еду в пять часов утра по хозяйствам — бригада уже на этой скважине не работает. Назад возвращаюсь, уже темно, а эти буровики еще там. Задачу поставили, чтобы сначала сделать по одной скважине на каждый колхоз. Сделали. Потом — давай на каждую бригаду, на каждую ферму. И очень хорошие ветряки ставили, чтобы воду качать, из России привозили. Правда, всю эту программу в районе я так и не успел тогда закончить, забрали меня из Речицы председателем Гомельского облисполкома, а у новых местных властей энтузиазм как-то поугас.

Ну, а потом уже водонапорные башни появились, стали по деревням водопроводы прокладывать. И на фермах худо-бедно, а уборку навоза механизировали, во многих хозяйствах — и раздачу кормов, дойки коров. Уже много карусельных доильных площадок сделали. Корова заходит, семь минут — и она подоена.

Перевели потом в Минск — здесь можно было лучше работать по механизации и автоматизации животноводства. В нескольких хозяйствах так оснастили фермы, что на них все управлялось с одного пульта. Очень удачно получилась такая автоматизация, например, в племзаводе "Красная звезда" Клецкого района, у Иосифа Иосифовича Главлесов. Причем и надом у него было по шесть тысяч лит-

А идея вообще-то была мазуровская, не зря он в войну на любанских болотах партизанил. Помню, когда я еще работал в Гомеле секретарем обкома, как-то приехали к нам первый секретарь ЦК КПБ Кирилл Трофимович Мазуров и Председатель Совета Министров Тихон Яковлевич Киселев. Доехали мы с ними на машинах до Мозыря, сели на катер и поплыли. В Турове переночевали и опять по Припяти до Пинска, даже дальше. Специально решили посмотреть, что делать с болотами, с Припятью. Много было в пути и заинтересованных разговоров, бесед с местными жителями, со специалистами.

Наверное, в таких поездках и рождалась идея этой крупной народнохозяйственной программы. Замечу, во всем Советском Союзе потом не было лучшего примера комплексного освоения средств на мелиорацию. Именно комплексного. Ведь одновременно обновлялись земли, прокладывались дороги, строились жилые поселки и производственные объекты, животноводческие комплексы тут же комплектовались породистыми нетелями. И пусть кто теперь ни говорит, реальные многие природоохранные проблемы. Может быть, только силею на все не хватало. И еще хочу сказать, как росли люди, формировались целые трудовые коллективы, подбирались толковые специалисты. Возьмите совхозы "Новое Полесье" Солигорского, "Парохонский" Пин-

ского районов, многие другие хозяйства. Да это же был совершенно новый уровень сельского хозяйства!

— Вы после партийной работы семь лет работали Председателем Президиума Верховного Совета БССР и были по должности заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Скажите, неужели Советская власть была действительно так плоха, как ее теперь стараются представить, а Советский Союз был, как его со злобой называют ныне, "империей", "империей зла"?

— Ерунда все это. Я должен был в Москве по своей должности в месяц отработать каждый год. И это, месяц по три дня в неделю, принимал людей со всего Советского Союза как заместителя Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Так что считал, и как человек живет в других республиках, и как решались крупные политические и хозяйственные вопросы, как всем миром помогали и подталкивали поспешить в беду и отставили в своем развитии республики и ни от кого из жупанщиков, а как, по-моему, довелись до улучшения не только из самых разных мест, но и раз-сильных, как грязи на Советском Союзе. Были жалобы на конкретные местные начальники, но не на правительств, но на саму Советскую власть любой даже самый несправедливо обиженный человек считал правильной, демократичной, своей властью. И знал, что она его никогда не бросит в беде, всегда защитит и поможет. Потому что это была именно власть трудящихся, власть народа.

И о какой-то "империи" говорить просто непорядочно. Уж я-то в отличие от тех, кто разносит эту грязь, знаю, что говорю. Сколько раз пришлось в Москве решать сложнейшие вопросы жизни нашей республики и "пробивать" какое-то выгодное строительство, и никогда не встречал даже попытки великодержавности, какого-то национального унижения. Да какая империя отстраивала, поднимала национальные окраины за счет коренного населения? Наоборот, после войны Россия себе отказывала в самом необходимом, а нам присылала и деньги, и материалы, и технику для восстановления, и кадры своих специалистов. Дали нам скот, тракторы, сельхозмашины. А тех же продуктов в союзный фонд на единицу площади больше всех поставили не Беларусь или Украина, и тем более не республики Прибалтики, а именно Россия. Так что основную тяжесть выносил на своих плечах как раз русский народ, в адрес которого и несут теперь всякую недостойную похабщицу "демократы" из БНФ и прочих националистических "фронтон".

К кому из союзных министров ни заходишь — всюду наши вопросы решались. Кстати, Гомель, когда я там работал, получил газ еще раньше Минска. Узнали мы, что у наших украинских соседей километров за сорок от Гомеля протянули газопровод. Поехал я в Москву, к начальнику "Главгаза", и прошу его: мол, мы, белорусы, пострадали от войны больше всех, давайте протянем "нитку" от Шебелинки с Украины. А сделать сами, спрашивает, сможете? Да я, отвечаю, — сварщик седьмого разряда, если надо, сам пойду сваривать трубы. И вне всяких планов сделали. Трубы нам Москва выделила из Чехословакии, прислала инженера, мы подключили своих военных, танками растянули их по трассе, сварили и подключились. Звоню в Минск, докладываю Мазурову: дескать, пока до вас в Минске дойдет газ, мы его завтра уже подключаем. И сразу почувствовал, что мои слова Кирилл Трофимович не принял как издевку, а похвалил за инициативу и разворотливость.

Да и во всем очень хорошо к нам, белорусам, в Москве относились. Вот еще один пример. После партшколы я работал в Витебске секретарем горкома партии. Понадобился нам мост через Двину. Один уже был. А тут — центральную городскую магистраль от гостиницы к театру делаем. Поехал в Москву, к министру железнодорожного транспорта. А тот — ни в какую.

Мол, у меня по стране надо столько магистралей, стратегических мостов строить, а у вас — обычный коммунальный, внутригородской. В общем, "не дури ты мне голову". Куда мне деваться? Поехал в ЦК, в орготдел. Выслушали меня, завизировали мою бумагу и послали самого ходит по всем министерствам, собирать необходимые подписи. Объездил всех, собрал десятка полтора виз. Кстати, и в том же транспортном министерстве заместитель министра подписал. Отдаю все это в ЦК заместителю заведующего отделом, а тот и говорит, мол, езжай домой, придет телеграмма за подписью Сталина поручить такому-то мостопоезду сделать. Приехал в Витебск, а там уже такая телеграмма пришла. И подпись — "И. Сталин". Вот так и появился в Витебске этот мост.

— Кого еще из московского руководства хотелось бы вспомнить добрым словом?

— Ну, например, Андрея Андреевича Громько, моего земляка. Мы как-то с Сергеем Осиповичем Припятиным на сессии Верховного Совета СССР его разыграли, подшутить решили. Подходим и серьезно говорим, что, мол, договорились с литовцами, и они нам дают "коридор" в Калининград в обмен на другую территорию. И вот, мол, завтра на сессии будем ставить вопрос о присоединении Калининградской области к Белоруссии, поскольку наш Третий Белорусский фронт и освобождал ее, и выход к морю нам тоже ну-

выяснять, в чем дело. Оказывалось, в семье нечего есть. Муж погиб на войне, а дома четверо детей голодают. Идемте, говорит, покажу, чем их кормлю. Пошли к ней с председателем, достала она из печи какие-то оладьи, а их и есть нельзя, один песок. Потому что это — мезга, отходы местного крахмального завода. Вышли мы с председателем из ее дома, я и говорю ему: ты, дорогой, брось это дело. А он и сам не знал, что такая нищета, только пришел в хозяйство. Ну, потом уже вдов не обижал.

— Жизнь дала вам огромное богатство встреч с удивительными людьми белорусского села. Кого бы из них вы могли вспомнить?

— Хотя бы таких поминисте народных героев, как Кузьма Иванович Шальпо, с 1944 года по сей день возглавляющего знаменитый колхоз "Чырвоная змена" Любанского района. Или Иосифа Иосифовича Главлесов, директор клецкого племзавода "Красная звезда". Как председатель колхоза имени Дзержинского Дзержинского района Леонид Иванович Кадлубович. В колхозе имени Кирова Слуцкого района председательствовал такой же редкий самородок Сергей Дмитриевич Лемешенко. Я уже не говорю про Владимира Антоновича Ралько, Владимира Леонтевича Бедулю. Это наш золотой фонд. И только бессовестные люди могут обзывать их обидными кличками вроде "красных помещиков". Это же глупость, несуровность. Нынешнего председателя прекрасного колхоза "XXI съезд КПСС" Речицкого района Николая Николаевича Ковалю помню еще комбайнером. Потом он стал секретарем парторганизации, окончил партшколу и стал хорошим колхозным вожаком. С удовольствием вспоминаю встречи с удивительной дочерью Лидией Дмитриевной Брызгой, знаменитым звеньевым по картофелю Олегом Викентьевичем Казачком, комбайнером Георгием Макаровичем Котляровичем...

Вы знаете, сидишь сутками в кабинете, заматывается от всех этих бесконечных проблем так, что нет уже никаких сил. А вырвешься на село, встретишься, поговоришь с такими людьми, порадующься вместе с ними за их успехи, и сразу как-то легче, теплее на душе. Видимо, это и давало силы работать. И людей таких мы никогда не забывали. Сколько появилось известных республике хлеборобов, животноводов, колхозных и совхозных вожаков, удостоенных высшего звания Героя Социалистического Труда! Очень жалко, что теперь таких людей как-то отодвинули в тень. Но я уверен, что в нашей суверенной республике вернется то время, когда отличившимся в труде снова будут давать и ордена, и всякие почетные звания, в общем, будут достойно отмечать их заслуги.

— Каково ваше отношение к нынешним реалиям жизни, к политике, проводимой нынешним руководством республики?

— Я как был, так и остался коммунистом, прошел перерегистрацию и состою рядовым членом ЦКБ. И политику правительства на всемерное укрепление союза с Россией полностью поддерживаю как не имеющую никакой иной альтернативы. Я думаю, любой Союз обязательно возродится в какой-то новой, современной форме. Иначе никто не выживет — ни Казахстан, ни Узбекистан, никто другой. И наша республика в том числе. Три года назад на референдуме наш белорусский народ высказался на этот счет однозначно. Уверен, что еще определеннее он высказается в этом плане и теперь, в ходе как президентских, так и досрочных парламентских выборов, а политики, которые проводят такую линию, и получают мандат доверия людей.

Лично я к введению президентского поста отношусь отрицательно. Но тем не менее парламент проголосовал за это, и мы должны будем скоро избрать такого руководителя республики. Кого я вижу на его месте? Того же Кебина, больше никого. А из молодых, по-моему, очень перспективных Мясникович, Линг. По-моему, в стиле работы Вячеслава Францевича Кебина, в его ответственном подходе к делу просматривается та же закладка, та же школа — от Мазурова, Киселева, Машерова. И если он доведет до конца свои переговоры с Россией, народ проголосует за него. Потому что такие важные соглашения позволяют поднять промышленность, стабилизировать сельское хозяйство, выжить республику из кризиса.

— Что вы, Иван Евтевич, могли бы в заключение сказать всем людям, которые вас помнят и знают в республике?

— Нам, коммунистам, старшим поколениям, не за что стыдиться в прожитой жизни. Может быть, мы в чем-то и ошибались, что-то делали не так, может, в чем-то были слишком наивными и слишком доверчивыми к "вождям". Но мы не жалея себя работали ради людей, ради улучшения жизни народа, в годы войны плечом к плечу с другими братьями народами отстаивали свободу, честь и независимость Родины, в труднейшие годы послевоенной разрухи подняли республику из руин и пепла, возродили ее города и села, дали надежду молодым поколениям на лучшую, более счастливую жизнь.

Я верю, что и из нынешних трудных испытаний мы выйдем с честью. Но для этого надо работать. Напряженно работать буквально каждому. Только трудом, только руками и умом народа можно преодолеть нынешний кризис. И хотелось бы пожелать нашим людям здоровья и лично благополучия. Чтобы над их головой всегда было чистое мирное небо, чтобы не было меж нами распри, не разжигалась межнациональная рознь. Я — за то, чтобы и дальше на равных у нас развивались оба языка — и белорусский, и русский, за который еще никому не было стыдно. Уверен, что жизнь наладится. Главное — трудиться и сохранять личную порядочность, честь и достоинство. И не терять надежды и оптимизма.

Беседа провел
Виктор ЛЕГАНЬКОВ.